

Минус сезона дождей в том, что воды падает слишком много.

Влажный воздух клубился вокруг Цзян Го, раскрытый зонт не мог защитить от яростных потоков, что стекали по его краю и капали прямо на плечи.

Он промок насквозь, и лишь прижатые к груди белые лилии он бережно и тщательно охранял, не позволяя ни единой капле коснуться нежных лепестков.

Лиллии были любимыми цветами матери Цзян Го.

Лишь в день её годовщины смерти сердце Цзян Го начинало биться так, что он чувствовал: он не одинок, по крайней мере, он живёт ради матери.

Его жизнь походила на жуйку из пресного воска — горькая и унылая.

Он проживал год за годом в такой обстановке, и сам не знал, сколько ещё сможет продержаться.

Пока в поле зрения не появилась счастливая, полная радости и беззаботного смеха семья из трёх человек. Цзян Го отвёл взгляд, но сцена оказалась слишком яркой, и не замечать её было тяжело.

После смерти матери отец решил жениться во второй раз. Отношения Цзян Го с отцом не задались, а мачеха пользовалась этим, плела интриги и вставляла палки в колеса, из-за чего их связь надолго зашла в тупик.

Цзян Го жил в одиночестве неподалёку от материнского кладбища, проводя там бесчисленные осени и зимы.

Годовщина смерти матери совпала с днём рождения дочери отца.

Горько усмехнувшись, Цзян Го молча удалился. Картины, о которых он когда-то столько мечтал, теперь больше не имели к нему никакого отношения.

Он бережно укрывал лилии и тяжёлым шагом пошёл в противоположную от них сторону.

Пока цветы в его руках не сбили — бутоны упали, и лицо Цзян Го помрачнело.

Нахмурившись, с яростью во взгляде, он вмиг схватил Ли Чу за воротник, усиливая хватку так, что на руках вздулись вены.

Кулак уже почти сорвался с места, но Ли Чу инстинктивно качнулся в сторону, а в его глазах плескался страх.

Занесённая в воздухе рука Цзян Го так и замерла, не опустившись, пока до ушей не донёсся незнакомый голос, постепенно укротивший его гнев.

— Советую тебе не лезть не в своё дело, сделать вид, что ничего не видел, и убираться отсюда со всех ног.

Цзян Го не привык бормотать себе под нос: в его глазах мелькнул злобный огонёк, он легко усмехнулся, затем сунул зонт Ли Чу и наклонился, чтобы оценить ущерб, причинённый лилиям.

Убедившись, что пострадало совсем немного бутонов, он протянул цветы обратно Ли Чу со словами:

— Защищай их ценой жизни. Хоть волосок с них упадёт — с тебя спрошу.

С этими словами Цзян Го размял тело, с хрустом свернул шею, закатал рукава и сжал кулаки. На его лице мгновенно отразились холод и мрак, а во взгляде заплескали нотки убийственного намерения, когда он бросил:

— Его проблемы я беру на себя.

Жизнь Цзян Го была скучной и пресной, и ради острых ощущений он раз за разом находил удовольствие в издевательствах над другими. Пользуясь своим положением, он творил бесчинства, и никто не смел дать ему отпор.

Соппротивление ему означало верную смерть. Директор Хуасиня покрывал и поощрял его выходки, отец закрывал глаза на его проделки, а за спиной всегда находились те, кто подчищал за ним грязь.

Директор Хуасиня тайком использовал свою власть, чтобы запугивать родителей учеников. Сам же Цзян Го был подобен сгнившему зубу: стремясь подняться выше, он пускал в ход любые средства, не ведая моральных преград, шагал по чужим трупам и как должное принимал чужое, не принадлежащее ему по праву положение.

Беспринципное покровительство выковало железный характер Цзян Го, и равных ему не было. Стоило ему на кого-то нацелиться, как несчастного ждал страшный конец.

Сражаясь один против пятерых, Цзян Го потратил всего пять минут, чтобы вбить противников в землю. Он не давал им передышки — стоило ему начать драку, как он бил наотмашь и жестоко.

Он не любил упускать добычу, уже попавшую в пасть.

Как раз в последнее время у него зачесались руки, вот и выдался повод размяться.

Противникам раздробило кости, сломало рёбра, перед глазами всё плыло, а слова срывались с разбитых губ невнятным бормотанием.

Поняв, что дело дрянь, все пятеро, поддерживая друг друга, попятились и бросились наутёк. Один из них, отделавшийся полегче остальных, на ходу обернулся.

Шепелявя от страха и дрожа всем телом, он ткнул пальцем в лицо Цзян Го и выкрикнул:

— Ты... ты только погоди, я... я заставлю тебя заплатить втройне!

Когда эти пятеро скрылись из виду, Цзян Го размял онемевшее запястье. Гнев ещё не утих, и его острый взгляд всё так же буравил направление, куда они сбежали.

Пока над головой снова не раскрылся зонт, заслоняя часть обзора. Цзян Го тяжело вздохнул: перед глазами снова возникли лилии, и ледяная аура вокруг него постепенно рассеялась.

Цзян Го не стал забирать цветы, лишь безучастно и бездумно глянул в сторону Ли Чу.

Уши Ли Чу были чистыми, на крошечном пушке блестели капельки пота, кожа отливала розовато-белым сквозь тонкий загар, ушные раковины были чётко очерчены, а идеальную форму мочек аккуратно прикрывали пряди волос.

Но стоило взгляду скользнуть ниже мочки, как на шее обнаружилось несколько синеватых следов от заживающих корочек, которые то появлялись, то скрывались при каждом движении Ли Чу.

Цзян Го поперхнулся собственной слюной и тут же отвёл глаза, устремив испуганный взгляд прямо перед собой.

Ли Чу казался совершенно равнодушным. Он лишь протянул лилии Цзян Го и бесстрастно произнёс:

— Спасибо.

Это было их второе столкновение, и контраст в их положении оказался слишком сильным — Цзян Го ненавидел подобные резкие перепады.

Он не стал отвечать на слова Ли Чу, молча взял цветы и прижал их к груди. Наверное, образ тех едва заметных следов на шее Ли Чу никак не хотел выходить у него из головы.

Цзян Го замер на секунду, резко сорвал с себя верхнюю одежду и швырнул её в сторону Ли Чу.

Оставив зонт Ли Чу, он в одиночестве зашагал сквозь пелену проливного дождя.

Даже промокнув до нитки, он продолжал оберегать лилии, не позволяя воде коснуться их.

Он спас Ли Чу из огня да в полымя лишь из великодушия, разбуженного годовщиной смерти матери.

Он вовсе не был добрым человеком, но в этот день он почему-то пошёл против собственной воли.

Ли Чу не обращал внимания на звонкий стук капель дождя о зонт — всё его внимание было приковано к лежавшей на груди куртке.

В ней ещё сохранилось тепло человеческого тела, и Ли Чу осторожно касался этой теплоты.

Волна тепла просочилась прямо в вены.

Ли Чу устал от чужих прикосновений и человеческого тепла, но кроме приёмного отца он никогда и ни от кого не ощущал ничего подобного — настолько теплого и живого.

Он не смел жадничать, а лишь бережно прятал это тепло в тайниках своей души.

Он панически боялся, что однажды это тепло угаснет, и тогда он окончательно превратится в бессердечного, хладнокровного монстра.

<http://bllate.org/book/22343/2340952>